

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 2 (14).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (14), 2021.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-2-172-179>

© 2021. Д.Г. Шерварлы

*Муниципальное автономное образовательное учреждение «Средняя
общеобразовательная школа г. Холма» (место учёбы), Холм, Россия*

Тема родительского проклятия в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»

© 2021. Daria G. Shervarly

*Municipal autonomous educational institution Kholm Secondary School (place of study),
Kholm, Russia*

The Father's Curse in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Humiliated and the Insulted*

Информация об авторе: Шерварлы Дарья Григорьевна, ученица 10-го класса, МАОУ «СОШ г. Холма», ул. Октябрьской д.66, 175270, Холм, Россия
E-mail: ds-shervarly@yandex.ru

Аннотация: Одной из значимых тем романа является тема родительского проклятия. Она отмечена в этом произведении высокой степенью эмоциональности.

В романе описаны две похожие истории: матери Нелли и Наташи. И та и другая сбежали из дома, обеих прокляли отцы. Однако отличия тоже имеются: одну простили, другую нет.

Тема проклятия в статье раскрывается путем сопоставления двух этих историй с известной притчей о блудном сыне (её параллели в романе хорошо заметны). Притча является как бы эталоном должного поведения, в сравнении с ней мы говорим, как герой должен был себя повести и как он поступил в романе. При очевидных переключках образов «блудных детей» значимым отличием сюжета Достоевского от сюжета притчи представляется именно поведение родителей. Родительское (не)проклятие выявляется как один из основных факторов, определяющих судьбу всех героев повествования.

Ключевые слова: Достоевский, «Униженные и оскорбленные», проклятие, благословение, Наташа, отец, мать Нелли, притча, «блудные дети».

Для цитирования: Шерварлы Д.Г. Тема родительского проклятия в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал 2021. № 2 (14). С. 172-179. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-2-172-179>

Information about the author: Daria G. Shervarly, 10th grade student, MAEI Kholm Secondary school, 66 October St., 175270 Kholm, Russia.

E-mail: ds-shervarly@yandex.ru

Abstract: One of the significant themes of the novel *The Humiliated and the Insulted* is the father's curse, marked throughout the text by a high degree of emotionality. The novel describes two similar stories: the one of Nelly's mother and Natasha's. Both escaped from home, both were cursed by their fathers. However, there are also differences: while one father forgave, the other not. In the article, the theme of the father's curse is revealed by comparing these two stories with the famous parable of the prodigal son, with which the novel presents visible parallels. The parable is presented as a standard for proper behavior, and in its comparison, we can say how the hero should have behaved and how he did in the novel. While the images of "prodigal children" recall each other, it is the behavior of parents that draws a significant difference between Dostoevsky's plot and the parable. The presence or absence of the father's curse is revealed as one of the main factors determining the fate of all the characters of the story.

Keywords: Dostoevsky, *The Humiliated and the Insulted*, curse, blessing, Natasha, father, Nellie's mother, parable, prodigal children.

For citation: Shervarly, D.G. "The Father's Curse in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Humiliated and the Insulted*". *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (14), 2021, pp. 172-179. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-2-172-179> (In Russ.)

Взаимоотношения Наташи с родителями складываются особенно. Со стороны последних они проявляются очень контрастно: то благословением, то проклятием. Проклятие – это, по сути дела, антоним благословения.

В словаре В.И. Даля слово «проклинать» имеет разные значения: «предать анафеме, отлучить от церкви; в гражданском быту: лишать благоволения; изгонять от себя, лишая наследия и всякого общения; ругать, поносить, призывать на кого бедствия, желать кому зла, ненавидеть» [Даль, 1880–1882, т. 3 с. 508].

В романе слово «проклятие» и родственные ему тоже употребляются в разных значениях. Эти слова довольно часто встречаются в тексте, около сорока раз. Чаще всего они вызваны проявлением

отношения к Наташе, а чуть реже – к матери Нелли. Например: «Во что бы ни стало надо было высказаться, хотя бы взрывом, хотя бы проклятием» – думает Ваня об Ихменеве [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 222]. Или: «<...> и вместо проклятий призывал прощение и благословение на ту, которую не хотел видеть и проклинал перед всеми <...>» – рассуждает Анна Андреевна [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 223]. Или Ихменев: «Не жаль, потому что в моем же доме составляются заговоры против поруганной моей головы, за развратную дочь, достойную проклятия и всех наказаний!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 223]. Отцовское проклятие превращается в мрачный фон сюжета обеих героинь.

Известно, что история Наташи с отцом (а также дочери Смита) очень напоминает евангельскую притчу о блудном сыне. Наташин уход из дома – это та же история, только не абстрактная, не идеализированная притча, в которой представлена модель поведения в какой-то ситуации. В романе все дано в конкретных реалиях и обстоятельствах, люди далеко не схематичны и не идеальны в своей мудрости (как отец блудного сына).

Отец в притче даёт сыну положенную и потребованную им часть наследия, и тот по своему желанию уходит из дома. Однако вскоре сын «расточил имение своё, живя распутно» (Лк 15:13). Раскаявшись, он пошёл к отцу, собираясь просить прощения, однако, тот его сразу простил и бросился обнимать и целовать прежде, чем он дошёл. Сразу видна параллель этой темы в романе Достоевского: не успела возвращающаяся Наташа открыть дверь дома своих родителей, как увидела отца, который бежал к ней, не зная, что она уже идёт к нему навстречу: «Наташа, где моя Наташа! Где она! Где дочь моя! – вырвалось наконец из груди старика. – Отдайте мне мою Наташу! Где, где она! – и, схватив костыль, который я ему подал, он бросился к дверям» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 420]. То есть Наташа, как блудный сын, потеряв всё, возвращается домой, а Наташин отец, так же как и отец блудного сына, обнимает и целует свою дочь, забыв все прошлые обиды.

Вид вернувшейся Наташи был неопрятен: «Платье ее было измято и смочено дождем. Платочек, которым она накрыла голову, сбился у ней на затылок, и на разбившихся густых прядях ее волос сверкали крупные капли дождя. Она вбежала, увидела отца и с криком бросилась перед ним на колена, простирая к нему руки» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 420], что тоже заметно в притче:

«Отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги» (Лк 15:22). То есть блудным детям во время их самостоятельной жизни пришлось многое вынести: они стали хуже выглядеть (вспоминается вечно измученный вид Наташи) и хуже жить.

В притче отец называет заблудшего сына «мертвым»: «<...> станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк 15:23-24). Николай Сергеевич тоже, когда предлагает Нелли прийти к ним жить, говорит: «У меня была дочь, я ее любил больше самого себя, но теперь ее нет со мной. Она умерла. Хочешь ли ты заступить ее место в моем доме и... в моем сердце?» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 383]. Для него она все равно что мёртвая, может быть, ещё и поэтому он встречает её с такой радостью: «Она здесь опять, у моего сердца! – вскричал он, – о, благодарю Тебя, Боже, за всё, за всё, и за гнев Твой и за милость Твою!.. И за солнце Твое, которое просияло теперь, после грозы, на нас! За всю эту минуту благодарю!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 422].

Но есть и существенные различия. Когда Наташа ещё только уходит из дома, отец с матерью благословляют её, думая, что она идёт в церковь, как она сказала им до этого (сын в притче не обманывал отца):

«– Да благословит же тебя Бог, как я благословляю тебя, дитя моё милое, бесценное дитя! – сказал отец. <...>

– И моё, и моё благословение над тобою – прибавила старушка, заливаясь слезами» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 195].

Родительское благословение считается настоящим сокровищем, однако Наташа поступила с ним довольно грубо: обманув родителей, она будто попыталась привязать благословение к другому действию, к своему побегу с Алёшей. Она поступила с ним подобно тому, как поступил с наследством блудный сын из притчи (не ценила и растратила попусту). И что из этого вышло? Оно превратилось в отцовское проклятие. Николай Сергеевич проклял дочь не сразу, а в порыве бешенства и после долгих страданий. Едва произнеся проклятие, он сразу же пожалел об этом и, не скрываясь от Вани и Анны Андреевны, зарыдал, показывая ещё не утерянную любовь к Наташе. Позже выяснилось, что Николай Сергеевич благословлял Наташу на ночь («<...> так сколько раз я, Наташа, по вечерам к тебе ходил, хоть на свечку твою посмотреть, хоть тень твою в окне увидеть, благословить тебя на ночь. А ты благословляла ли меня на ночь?» [Достоевский,

1972–1990, т. 3, с. 422]), но простить Наташу все равно не желает, пока она сама не придет к нему, раскаявшись во всём и напрочь забыв всё «лишнее»:

«– Прости, прости ее! – восклицала, рыдая, Анна Андреевна, склонившись над ним и обнимая его. – Вороти ее в родительский дом, голубчик, и сам Бог на страшном суде Своем зачтет тебе твое смирение и милосердие!..

– Нет, нет! Ни за что, никогда! – восклицал он хриплым, задушаемым голосом. – Никогда! Никогда!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 224].

В притче отец даёт сыну его наследство и не проклинает его, здесь же Николай Сергеевич словно мечется от благословения к проклятию, он не использует что-то одно, не может полностью отдаться ни одному, ни другому, он не уверен, по-разному ведёт себя в одиночестве и в обществе. Это говорит о том, что в душе старик Ихменев, возможно, намного ближе к притчевому образу, чем хочет демонстрировать на людях: гордость превратилась в прочную защитную оболочку, которая сложилась в обществе, и нужна только для общества.

Благословение вернувшейся Наташе похоже на счастливый итог, конец всех горестей и печалей, начало новой жизни: «<...> Наташа... Мы пойдем рука в руку, и я скажу им: это моя дорогая, это возлюбленная дочь моя, это безгрешная дочь моя, которую вы оскорбили и унизили, но которую я, я люблю и которую благословляю во веки веков!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 422], и жизнь эта начинается с благословения отца – что же может быть лучше? Эта минута всеобщего раскаяния самая счастливая во всем романе. Казалось бы, подходящий момент для финала произведения, но всё не так просто: слишком много еще вокруг розданных и полученных проклятий, и тут же напоминает о себе болезнь Нелли: «<...> вдруг страшный, ужасный крик вырвался из ее груди; судороги пробежали по лицу ее, и она в страшном припадке упала на пол...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 422].

В конечном итоге болезнь доводит Нелли до смерти. Ихменевы переезжают. А Ваня в одиночестве погибает в больнице.

Интересно, что в романе Достоевский изображает подобную историю дважды: проклятая отцом дочь, убежавшая к возлюбленному, и её друг-помощник, верный до самой смерти (в случае с дочерью Смита таковым является Феферкухен, как называл его Маслобоев) –

это образы сразу двух (пересекающихся) линий сюжета романа. А точнее было бы сказать, что эти линии не пересекаются, а образуют замкнутую цепь: князь Валковский ↔ дочь Смита ↔ Нелли ↔ Ваня ↔ Наташа ↔ Алёша ↔ Валковский.

Но всё-таки история второй блудной дочери – матери Нелли – развивается по-другому.

Мать Нелли, забрав ценные бумаги, сбежала из дома с князем Валковским. Иеремия Смит проклял дочь. Он не пошёл ей навстречу для примирения, не простил её, даже когда она упала перед ним на колени: «Дедушка тоже очень испугался и весь побледнел, и как увидал, что мамаша лежит подле него и обхватила его ноги, – он вырвался, толкнул мамашу, ударил по камню палкой и пошел скоро от нас» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 411].

Его уже стала просить внучка Нелли, чтоб он простил её мать, но и это было напрасно. Наступил день, когда Нелли пришла к нему и сказала, что через неделю её непрощённая мать умрет и что умирать ей тяжело, но Смит оттолкнул внучку и захлопнул у неё перед носом дверь. И только когда его дочь доживала свои последние минуты, Иеремия Смит побежал вместе с Нелли. Этот очень дряхлый на вид старик бежал всю дорогу как только мог: «Дедушка устал и дышал трудно, но всё торопился и бежал» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 419]. Но уже было поздно, его дочь умерла. Старик в беспамятстве рухнул на пол. Он понял, что сделал. Это произнесённое им проклятие в итоге погубило их всех. Мать Нелли тяжело умерла: непрощённая и в нищете, Нелли тоже вскоре умирает из-за болезни, и сам Иеремия Смит страдает. Он не поступил по образцу притчи. От этого он и ходит мертвый, он сам себя умертвил и теперь доживал свой век мертвецом: «<...> тела на нем почти не было, и как будто на кости его была наклеена только одна кожа. Большие, но тусклые глаза его, вставленные в какие-то синие круги, всегда глядели прямо перед собою, никогда в сторону и никогда ничего не видя, – я в этом уверен» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 170]. Тот момент, когда Смит бежит, стараясь успеть к своей дочери, пока она не умерла, похож на единственное пробуждение Иеремии, его возврат к жизни; тогда в нём проснулся умерший человек: «<...> стал такой бледный и весь задрожал. Я схватила его за руку и только одно выговорила: “Сейчас умрет”. Тут он вдруг так и заметался; схватил свою палку и побежал за мной; даже и шляпу забыл, а было холодно. Я схватила шляпу и надела ее ему, и мы вместе выбежали. <...> а Азорка с нами

бежал, <...>. Дедушка устал и дышал трудно, но всё торопился и бежал. Вдруг он упал, и шляпа с него соскочила. Я подняла его, надела ему опять шляпу и стала его рукой вести» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с.419], однако длилось это недолго: «Но матушка уже лежала мертвая. <...> тут дедушка закричал и упал на пол как мертвый...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с.419-420].

Почему проклятия боятся? Потому что всякое слово имеет свою силу. Словом можно убить, словом можно простить, словом можно оживить. Особенно страшным считается проклятие родителей, потому что пятая Заповедь говорит: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (Исх 20:12), то есть до такого состояния их доводить нельзя. Об этом говорит Анна Андреевна в форме пословицы: «Отец проклял, и Бог покарает» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 217], об этом же говорила Нелли её мать: «Это твой дедушка, Нелли, а я виновата перед ним, вот он и проклял меня, за это меня теперь Бог и наказывает» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 411]. Любящий родитель не будет проклинать напрасно. Но в притчах царя Соломона сказано: «Как воробей вспорхнёт, как ласточка улетит, так и незаслуженное проклятие не сбудется» (Прит 26:2). Но кто решает, заслужено ли проклятие? Кто возьмет на себя власть утверждать, что человек достоин такого осуждения, не имеет больше права на прощение? Много ли вообще заслуженных проклятий? Если жизнь человека в итоге разрушилась – значит ли это, что проклятие было «заслуженным», «настоящим»? Но это же не волшебное заклинание, не ритуал притягивания всех бед. Действует не само проклятие, а тот заряд ненависти и злобы, который оно в себе несет. Поэтому проклятие приносит вред не только тому, **кого** проклинают, но и тому, **кто** проклинает. Глагол *проклинать* относится к так называемым перформативным глаголам – тем, которые в определенной форме могут и называть, и производить действие одновременно: «я прыгаю» – это еще не прыжок, но вот «я обещаю», «я прощаю», «я клянусь» – это уже и есть обещание, прощение или клятва. Но каждое такое действие значит и ответственность говорящего за его исполнение. Держать обещание, искренне простить, быть верным клятве. Как можно остаться верным собственному проклятию? Продолжать ненавидеть, осуждать и отторгать всеми силами души? Это тяжелейшее состояние для души человека. Сказанное в порыве ярости проклятие наваливается мучительной ношей, даже если человек давно отказался от ненависти. Это и происходит с Ни-

колаем Сергеевичем, который явно разрывается между внешним следованием роли отрекшегося отца и внутренней болью за судьбу дочери. Это привело Смита к такому трагичному концу. И Нелли, отравленная этой проклятой атмосферой, не находит в себе сил разорвать порочный круг и умирает, проклиная, несмотря на то, что помнит о том, что всем нужно прощать.

А произведение постепенно превращается из притчи о блудном сыне в притчу о проклинающих родителях, губящих собственными проклятиями и себя, и всех окружающих.

Список литературы

1. Даль, 1880–1882 – *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорускаго языка в 4 т., 2-е изд. М.; СПб.: издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882.
2. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

References:

1. Dal', V.I. *Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskago iazyka v 4 tomakh* [*The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Vols.*]. 2nd Edition. M.O. Vol'fa Publ., 1880–1882. (In Russ.)
2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh* [*Complete Works in 30 Vols.*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.01.2021
Одобрена после рецензирования 08.02.2021
Принята к публикации 10.02.2021
Дата публикации: 25.06.2021

The article was submitted 02 Jan. 2021
Approved after reviewing 08 Feb. 2021
Accepted for publication 10 Feb. 2021
Date of publication: 25 Jun. 2021